

Весна была ранняя, спешная, не по правилам. На праздник Пасхи всего за какой-то час ветер пригнал холод и непомерно тяжёлые, набухшие тучи; вдруг хлопьями повалил снег, и вновь ворвалась зима, а на такую нежданную гостью никто не рассчитывал. Тепло возвращалось с большой натугой, долго...

В один из дней, когда уже отцветала ива, осыпая свои жёлтые барашки, я размеренно вышагивал низом каньона, наблюдая за беркутом, который периодически зависал надо мной. Я запрокидывал голову в поднебесье и невольно давил под ногами душистое «золотое руно», былую вербную красоту.

Вычерчивая круг за кругом, птица всё держала под контролем, в том числе и человека, даже если на минутую другую его прикрывали высоченные ели, утрюмо нависшие над тропой. Они уже ощутили в себе живительный сок земли и зеленели по-особенному в лучах солнца, уверенно

повернувшего на лето, хотя прогретые оазисы долины ветер то и дело чередовал с прохладной волной.

В хвойном подлеске лощин местами ещё держался снег, он был зернистый и темноватый, точно подмоченный сахарный песок, а на проталинах, у самого комля пахучих смолянистых стволов, отчётливо проступила яркая зелень. Она не была свежей травой — всего лишь прошлогодняя осока. Подобно гигантской лесной русалке, она безмятежно возлежала на кручах, и всюду разметались её длиннющие космы, наспех причёсанные, но зато надёжно укрытые под толстым одеялом зимы, потому и сохранившие себя в первозданности. В логу уже резвился проснувшийся грызун, добавляя к барабанным призывам желны и верховому шуму корабельного леса свои, чисто низовые шорохи. Возня в подстилке того же бурундука при ощутимом шумовом сопровождении становилась, по сути, безнаказанной, да и маскировка зверька выглядела почти идеальной. Пернатому хищнику нужно порядком снизиться, чтобы всё-таки заметить полосатую живность, которая покинула норку и поскакала по неотложным делам — хвост трубой, только её и видели...

Наконец-то хищник сообразил, что охота в долине лишена всякого смысла, по крайней мере сегодня, и резко изменил курс, оказавшись над лугом — лысым склоном хребта, где уже порядком припекало, буйно раскрылся первоцвет, и каждый его бутончик на пологом ковре из солнечной сон-травы, не говоря уже о каком-либо движении на склоне, был у хищника на виду. Тень птицы скользнула по утёсу, задержалась на броской ржавчине скал, поравнялась с ватным облачком, которое тоже оставляло на них минутный след. Мне даже показалось, что теперь, запечатлев по отвесу размашистую дугу крыльев, их хозяин получил возможность заглянуть в потаённые места и увидеть то, что с высоты ему никак бы не удалось.

А смотреть тут было на что. В конце марта, оказавшись у подошвы известкового отложения, которое хоть и разрушалось со временем, но всё так же надменно торчало из-под

земли над уснувшей в морозы речкой, я наблюдал, как на каменных этажах с проёмами щербин и малых гротов текла по-настоящему бурная жизнь. Напрасно я искал глазами внешний источник: склон уже освободился от прежних заносов и был почти сухим, тогда как рыжая громада по-настоящему проливала слёзы; они ручьём струились по краям ходов и выходов, таинственно уводящих куда-то в глубину. Но если даже и слёзы, то здесь решительно не обошлось без притворства, и в таком случае они не просто вешние, а крокодиловы. Место уж больно обманчивое, оттого-то в народе его зовут не иначе как «Чёртов палец». Но это же каменный перст Князя мира сего, первородного отца всякой лжи!

Должно быть, во времена первопроходцев Сибири, когда топонимическая судьба точки на карте решалась едва ли не по святцам, название рыжего утёса над мелким притоком великой реки определила его основополагающая примета: уж если торчит из земли столь характерная рогулька, то и сравнение с лукавым будет в самый раз. Ведь это падшего ангела изгнали из рая, именно он слетел с хлебной должности на суетную землю — так родилась первая в доисторическом периоде ссылка. Почему не сибирская?

По всем внешним и внутренним признакам выходит, что казак, прикупивший здесь у местного воеводы казённую землю за какую-то трёшницу, попал в «яблочко», то самое, библейское. Сколько уж воды в Енисее утекло, а нет по сей день и малейших сомнений в точности имени, данного однажды утёсу. Да и цветная накипь лишайников на известняке — одного с тем самым «пальчиком» порядка: в расхожем понимании, рыжий человек — чаще всего отъявленный мошенник и плут, тут и к гадалке не надо ходить.

Нигде, ни на одной из троп Куйсумских гор, славных причудливыми сиенитовыми останцами, которые расставили каменные маяки в неоглядном море тайги, со мной не случалось никаких каверз и козней. Только здесь всё выглядело иначе: всякий раз беспричинно разряжалась «мельница», здесь я странным образом потерял проездной

билет, а на вершине этого рыжего над каньоном я повстречал довольно крупную ящерицу, которую принял за змею и был вынужден тут же удалиться.

К счастью, до знакомства с теми «нехорошими» обитателями скалистого небоскрёба, кто частенько выползает погреть спинку на ласковом солнышке, поглазеть на поднебесные красоты (там-то у них темень кромешная), дело у меня не дошло. А ведь могло бы, чем лукавый не шутит! И смотрящий за порядком беркут из кровожадного семейства ястребиных, этот безжалостный воздушный пират, и гады ползучие, большие любители осклизлых и промозглых подземелий,— мало ли мелких клерков на службе у того, кто однажды распрощался с райскими кущами, но никогда не смирится с этой участью, взывая и нас к баррикадам?

И теперь уже не просто одним перстом, а вскинутым вверх кулачищем будет он из далёкой Сибири грозить воеводам всех рангов и мастей, как настоящий ссыльнокаторжный, запечатлённый ваятелем в скульптурной группе из рыжеватого гранита на одном из проспектов славного губернского города N.

...Скажу по секрету: эту весеннюю песенку мне напел под ухо мохнатый шмель, в дружелюбии которого грех сомневаться. Глупо думать, что великий труженик только и ждёт, как бы в очередной раз испытать на чужаках своё колющее оружие. Шмелю-то явно не до того: он работает, а шумливый моторчик выключает только в том случае, если встретится ему в полёте серьёзный медонос. Как те золотистые барашки, мимо которых он не имел даже права пройти...

Прислушайтесь: летающий толстячок, этакий жужжащий Карлсон, вовсе не страшен, он слишком говорлив.